

УДК 342.82 (470)

А.В. Баранов, профессор, д-р полит. наук, д-р ист. наук

ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный университет»

350058, Россия, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149, ауд. 237

E-mail: baranovandrew@mail.ru

РЕФОРМЫ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА: ПОЛИТИКО-ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Устанавливаются политико-институциональные и социокультурные последствия реформ избирательной системы России 2000–2013 гг. Раскрыто влияние реформ на развитие политического режима и федерализма, партийной системы, общественного мнения. Даны рекомендации по развитию избирательной системы.

Ключевые слова: *избирательная система, реформы, последствия, Россия, политические институты, общественное мнение.*

Актуальность темы и её связь с важными практическими задачами политики проявляется в том, что избирательная система – феномен, обеспечивающий демократическое участие граждан в политике, легитимацию и подконтрольность публичной власти. Реформы избирательной системы России органически связаны с интересами правящих элит, оказывают весомое влияние на тип политического режима и уровень плюрализма организованных политических интересов, на «повестку дня» общественного мнения. Модернизация принципов и процедур избирательной системы Российской Федерации выступает важным нормативным условием консолидации демократии.

Эмпирическая основа работы включает в себя: законодательные акты РФ и субъектов федерации; статистические итоги выборов Президента России, Государственной Думы РФ и законодательных собраний субъектов федерации; опубликованные итоги анкетных опросов о восприятии реформ избирательной системы в общественном мнении; экспертно-аналитические отчеты наблюдателей на выборах.

Степень разработанности проблемы в политической науке достаточно высока. Теоретические основы классификации избирательных систем созданы Р. Таагеперой и М. Шугартом [1]. Политические детерминанты выбора российской избирательной системы определены А.Е. Любаревым [2] и А.В. Кыневым [3]. Б.И. Макаренко [4] и И.Л. Кинзерская [5] установили взаимосвязь избирательной системы с параметрами политического режима. Новейшие тенденции развития избирательной системы в цикле 2011–2012 гг. осмысливаются В.Я. Гельманом [6]. Вместе с тем, дискуссионными остаются такие аспекты проблемы, как влияние реформ избирательной системы на структуру политических возможностей партий и кандидатов на выборах; соотношение федерального и регионального уровней реформ; восприятие трансформаций избирательной системы в общественном мнении. Эти нерешенные аспекты определили выбор профиля статьи.

Цель статьи – выявить политико-институциональные и социокультурные последствия реформ избирательной системы Российской Федерации 2000–2013 гг. Основное внимание уделено выборам Президента Российской Федерации и Государственной Думы РФ как наиболее ярко проявляющим идеологические и партийные ориентации электората.

Избирательная система – это целостная совокупность не только норм права, регламентирующих способы определения итогов выборов и порядок распределения мест между их участниками, но и всех акторов, участвующих в выборах; институтов государственной власти, занятых организацией избирательных кампаний. Р. Таагепера и М. Шугарт выделяют три параметра избирательной системы: содержание голоса; величина округа (порядок суммирования голосов); правило перевода полученных голосов в мандаты [1]. А.Е. Любарев добавляет к ним уровень поддержки той или иной партии или кандидата [2]. Уровень абсентеизма и голосования «против всех» выражает, в том числе, различия политических субкультур слоёв избирателей по осям индивидуализм/корпоративизм, самостоятельность/подконтрольность выбора.

Следует учитывать различия «политического веса» институтов Президента РФ и Государственной Думы РФ. Выборы Президента России воспринимаются электоратом как главное политическое событие; мотивы этого голосования персонафицированы и слабо связаны с идеологией. Напротив, выборы Государственной Думы считаются лишь «репетицией» перед президентскими; мотивы поддержки партий скорее ценностны, чем прагматичны. По Конституции Российской Федерации, Правительство РФ формирует и отправляет в отставку Президент страны, независимо от исхода парламентских выборов по партийным спискам. Российские партии слабы в качестве политического института. По подсчетам Л.В. Сморгунова, индекс электоральной подвижности (процент партий, впервые участвующих в парламентских выборах) в 2003 г. составлял 69,09 %, в 2007 г. – 34,29 % [7, с. 196–197]. Незначительный интервал времени между парламентскими и президентскими выборами (3–4 месяца в кампаниях 1999–2012 гг.) вносит свою лепту в повышение шансов правящих элит и лидеров, ослабляя ресурсную базу оппозиции.

Нужно учитывать также исходное многообразие норм избирательной системы в субъектах РФ в период асимметричного и договорного федерализма 1990-х гг. Регионы качественно различались по конкурентности политических сообществ, составу и балансу сил участников выборов. Конституции и уставы субъектов РФ, их электоральное законодательство закрепляли нормы предвыборной конкуренции и распределения голосов, которые не совпадали с общероссийскими [3]. В результате региональные политические режимы слабо зависели от федерального законодательства и общегосударственной электоральной политики.

Электоральные циклы 1999-2012 гг., напротив, развивались в условиях нарастающего укрепления общероссийского политического режима и рецентрализации власти. Экономический рост в 2000-2007 гг., повлекший повышение уровня жизни, работал на успех правящих элит и их консолидацию. Значимые факторы успеха данного политического курса: немотивированность элит в реальной конкуренции «по правилам» и их желание уменьшить риски «бесконтрольного» голосования, слабость норм демократии в массовом сознании.

Парламентские выборы 1999 г. и досрочные президентские выборы 2000 г. качественно изменили ход голосований. Противостояние либеральных и коммунистических сил отошло на второй план перед государственно-патриотическими и центристскими партиями. Эта тенденция отражала консолидацию режима, усталость избирателей от идеологизированных программ. Центристские партии и блоки набрали на выборах Государственной Думы 36,6 % («Единство» – 23,3 % и «Отечество – Вся Россия» – 13,3 %), левоцентристы – 26,5 % (КПРФ – 24,2 % и маргинальные марксистские объединения). Либералы расширили свое влияние до 14,4 % (Союз правых сил – 8,5 % и «Яблоко» – 5,9 %). Национал-консервативный электорат впервые во многом перешел к коммунистам и центристам («Блок Жириновского» довольствовался – 6,0 %) [8]. Проявился устойчивый рост голосования «против всех».

Президентские выборы 2000 г. обладали резкими чертами разрыва с предпочтениями 1990-х гг. Реальная борьба шла только между В.В. Путиным и Г.А. Зюгановым (52,9 и 29,2 %). Либеральный электорат оказался растянутым между кандидатурами В.В. Путина и Г.А. Явлинского. Влияние левоцентристских и националистических претендентов, включая А.М. Тулеева и В.В. Жириновского, резко сократилось и может не учитываться [8].

Ведущими нормативными проявлениями реформ стали Федеральный закон РФ «О политических партиях» (2001 г.), изменения и дополнения в законы о выборах Президента Российской Федерации и Государственной Думы РФ. Важный фактор развития избирательной системы – законодательство, на основе которого конструируются новые политические практики. Федеральный закон РФ «О политических партиях» 2001 г. вызвал тенденции монополизации политического рынка. Он унифицировал нормы деятельности партий. Закон лишил региональные и местные политические объединения права участвовать в общероссийских и региональных выборах.

Можно рассмотреть проблемы институционализации партий и с позиции избирателей. Технологии контроля граждан над поведением депутатов на деле крайне слабы. Например, не действует либо крайне осложнен механизм отзыва депутатов. Отчеты перед населением формальны, ни к чему не обязывают депутата. Опрос, проведенный Фондом «Общественное мнение» в июне 2006 г. (выборка 1500 респондентов) подтвердил далекое от научного понимание функций партий. 16 % респондентов полагают, что партии нужны для управления государством, обеспечения стабильности и порядка (партии приравниваются к власти в целом). 12 % думают, что партии нужны для улучшения жизни людей и защиты народа. 3 % считают, что партии должны «формировать народное сознание», «мобилизовывать людей». Еще 1 % называет партии «помощниками и советниками» президента. То есть 32 % опрошенных воспринимают партии в рамках патернализма. Демократическое понимание партий разделяет 45 % приверженцев многопартийности; 15 % всей совокупности выделяют пользу конкуренции; 9 % упоминают преимущества плюрализма и дискуссий; 6 % полагает, что многопартийность – императив демократии и гарантия от диктатуры; по 1 % отмечают важность взаимного баланса партий и роль партий в принятии законов [9, с. 250-251].

По данным Фонда «Общественное мнение» (апрель 2007 г.), 43 % респондентов считали, что партии приносят России больше вреда, чем пользы, а 34 % – затруднились в оценках; убеждены в том, что партии нужны в России, 59 % опрошенных против 14%; 81 % граждан заявляет, что не состоят в партиях и состоять не хотят; 12 % желают в будущем вступить в партии и только 2 % состоят в них [9, с. 250-251]. Стратификационные распределения ответов об участии в партиях показывают, что наиболее позитивные ответы дают члены элит («белые воротнички») и учащиеся, а самые негативные – лица наемного физического труда.

По репрезентативному массовому опросу 2009 г. (Институт социологии РАН) политическим партиям доверяли 11 % респондентов, тогда как Президенту РФ – 63 % [9, с. 250-251]. Таким образом, массовое сознание расколото в восприятии партий. Это создает массовую поддержку проекта доминирующей партии. Кроме традиционных ценностей скептическое восприятие партий вызвано и прагматическими расчетами россиян.

С июля 2003 г. вступила в силу новелла о введении смешанной системы на выборах законодательных органов субъектов РФ. Иницирующая роль в формировании партий перешла к федеральным элитам, что создало качественно иную расстановку сил в регионах. Первый раунд

избирательных кампаний, проведенных в регионах по смешанной системе (2003–2004 гг.), повысил роль оппозиционных или впервые созданных партий. Это объяснялось дефицитом ресурсов и неопытностью «партии власти». Однако последующие кампании показали рост влияния лояльных партий, сплоченных вокруг главы региона и крупного бизнеса. Такая система обслуживает интересы федеральной исполнительной власти, обеспечивает монополичный контроль над СМИ. Автономные от власти партии снижают свой статус от системной оппозиции к формальной, а радикальная их часть теряет право участия в выборах.

Выборы Государственной Думы в 2003 г. стали последними проводившимися по смешанной системе. Они кардинально отличались от предыдущих и по политическим условиям проведения, и по результатам. За полгода до выборов был арестован руководитель концерна «ЮКОС» – богатейший человек страны М.Б. Ходорковский. Судебный процесс «ЮКОСа» подорвал частные каналы финансирования оппозиционных партий и доказал корпоративному бизнесу, что он будет соподчинен административным элитам. Преодолеть 5 % барьер смогли только 3 партии из 23: «Единая Россия» – 37,6 %, Коммунистическая партия Российской Федерации (КПРФ) – 12,6 %; Либерально-демократическая партия России (ЛДПР) – 11,45 %; и блок «Родина (народно-патриотический союз)» – 9,0 % [8]. До 1/4 голосов избирателей были отданы за партии, не сумевшие преодолеть заградительный барьер. По оценке Б.И. Макаренко, благодаря перераспределению голосов партии-победители дополнительно получили 68 мандатов из 225. Если бы выборы проходили по пропорциональной системе, то перераспределялось бы 135 мест [4]. Выборы продемонстрировали рост влияния правящей партии, ставшей ведущим субъектом избирательного процесса.

Президентские выборы 2004 г. подтвердили резкий разрыв между уровнем популярности В.В. Путина (71,2 %) и остальных кандидатов. Характерно, что ряд популярных оппозиционных кандидатов (Г.А. Зюганов, В.В. Жириновский, И. Рыбкин, М. Касьянов) был не допущен к участию в выборах либо отказался от борьбы вследствие давления. Н.М. Харитонов, поддержанный КПРФ, набрал – 13,7 %, левоцентрист С.Ю. Глазьев – 4,1 % и либерал И.М. Хакамада 3,9 % [8]. Следующие парламентские выборы закрепили эту тенденцию.

Сходный эффект вызвали изменения в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ» от 24 июля 2002 г. Новеллы установили, что не менее 50 % депутатов законодательного собрания должны избираться пропорционально числу голосов, поданных за списки кандидатов, выдвинутые избирательными объединениями и блоками. Изменения повысили статус общероссийских партий в регионах, облегчили создание партийных фракций в законодательных органах субъектов РФ.

Второй раунд реформ избирательной системы проведен в 2005–2007 гг. [3]. Среди политически значимых новелл: повышение минимальной численности членов партии с 10 до 50 тыс. чел. по РФ (с 2006 г.), в 50 % региональных отделений – до 500, а в остальных – до 250 членов; ликвидация права избирательных блоков участвовать в федеральных и региональных выборах (с лета 2005 г.); отмена права депутатов покидать свою партию, а партиям – включать в списки представителей других сил (с лета 2006 г.); новые правила бесплатного доступа к государственным СМИ; снижение порога явки граждан на региональные выборы до 20 %; повышение заградительных барьеров на парламентских выборах; унификация сроков региональных выборов; запрет на агитацию «против всех» кандидатов и отмена графы «против всех» в бюллетенях (с 2007 г.).

Выборы Государственной Думы 2007 г. впервые полностью проводились по пропорциональной системе. На них барьер для партий, проходящих в Государственную Думу по партийным спискам, повышен с 5 до 7 %. Кроме того, убран нижний порог явки и возможность голосовать «против всех», отменена мажоритарная система по одномандатным округам, членам одной партии запрещено проходить по спискам другой, партиям запрещено объединяться в предвыборные блоки. В выборах 2007 г. приняли участие 11 партий. За 4 партии, получившие места в Государственной Думе, проголосовало 91,75 % избирателей. «Единая Россия» набрала 64,3 % голосов, КПРФ – 11,6 %, ЛДПР – 8,1 %, «Справедливая Россия» – 7,7 % В Госдуму прошли только эти партии. Единороссы получили 315 мест из 450, коммунисты – 57, ЛДПР – 40, «Справедливая Россия» – 38. Эффективное число парламентских партий как индикатор степени плюрализма за 1999–2007 гг. снизилось с 6,4 до 1,9 [8].

Выборы Президента Российской Федерации (март 2008 г.) закрепили тенденции доминирования партии «Единая Россия» в электоральном пространстве. Абсолютную победу одержал Д.А. Медведев (70,3 %). В числе оппозиционных кандидатов Г.А. Зюганов от КПРФ набрал 17,7 %; лидер ЛДПР В.В. Жириновский – 9,3 %; лидер Демократической партии России А.В. Богданов – 1,3 % [8].

Влияние экономического кризиса 2008–2011 гг. на избирательную и партийную системы противоречиво. Граждане стали более активно проявлять протестные настроения. Однако нормы обновленной избирательной системы (запрет голосования «против всех», повышенный заградительный барьер, отказ в регистрации предвыборных списков ряда партий) ограничивают потенциал конвертации протеста в поддержку партий.

Осторожные предложения Президента России Д.А. Медведева о реформах политической системы, высказанные в Послании Федеральному Собранию РФ 12 ноября 2009 г., во многом были обесценены. Так, инициативу о предоставлении 1 мандата партийным спискам, получившим на региональных

выборах от 5 до 7 % голосов (меньше заградительного барьера) поддержал лишь 1 субъект федерации – Воронежская область. Федеральный закон, по которому с 1 сентября 2011 г. изменилось количество депутатов региональных законодательных собраний, позволяет варьировать численность корпуса. В регионах с численностью избирателей от 1 до 2 млн. чел. введена «вилка» от 35 до 90 депутатов; в более населенных регионах – от 45 до 110 депутатов [3]. Региональные собрания, как правило, выбирали «нижнюю планку» численности. Затрудняется успех оппозиционных партий, завывается размер избирательных округов, стоимость кампании. Манипуляции также проявляются в уменьшении числа депутатов, работающих на постоянной основе; в распределении мандатов между партийными списками по методам делителей Имперали. Это дает дополнительные преимущества победителю.

Рассмотрим тенденции электоральной поддержки партий на выборах в региональные законодательные собрания 2008-2011 гг. Партия «Единая Россия» победила во всех кампаниях. Но удельный вес ее поддержки снизился по всем регионам. Сравнительный анализ 32 регионов, где состоялись выборы с октября 2008 по октябрь 2010 гг., подтверждает неоднородность партийных сетей. Так, «Единая Россия» имеет повышенное влияние (более 60 %) в Воронежской, Белгородской областях, Тыве, Ямало-Ненецком автономном округе. Снижено ее влияние (менее 45 %) в Свердловской, Иркутской, Новосибирской областях [4].

Наблюдается рост поддержки всех оппозиционных парламентских партий на интервале 2009-2011 гг. Относительное её снижение было лишь в 2008 г., когда экономический кризис еще не набрал оборотов. КПРФ достигла наибольшего успеха (свыше 19 %) в Курганской, Новосибирской, Костромской, Калужской, Свердловской областях и Республике Алтай. Остается низким ее рейтинг в регионах с давними традициями манипулирования голосами: Тыве, Кемеровской области, Ямало-Ненецком АО (менее 10 % голосов) [4].

ЛДПР получила повышенную поддержку (более 14 %) в Рязанской, Свердловской, Костромской областях. Ее рейтинг вырос даже в республиках и автономиях, где обычно непопулярны имперские лозунги (Тыва, Ямало-Ненецкий АО) [4].

«Справедливая Россия» добилась наибольших успехов (от 15 до 20 %) в Свердловской, Курганской, Новосибирской областях, Хабаровском крае, Республике Алтай. Слабым остается влияние партии в Белгородской, Воронежской, Калужской, Рязанской областях (5-10 %) [4].

Анализ пространственных распределений голосований подтверждает, что оппозиционные партии популярны в городах и регионах с концентрацией образованного и молодого электората. «Партия власти», напротив, имеет повышенную поддержку в отдаленных сельских местностях, малых и средних городах, а также в полиэтничных регионах с традициями административного контроля над голосованием.

Растет число субъектов федерации, где «Единой России» не удается получить по партийным спискам 50 % голосов. В марте 2008 г. это произошло в 1 регионе из 11, в марте 2009 г. – в 2 из 9, в марте и октябре 2010 г. – в 5 из 14 [8]. Наибольшие выгоды от спада влияния «партии власти» получает умеренная оппозиция – ЛДПР, «Справедливая Россия», «Патриоты России». Их электоральная поддержка растет в большей мере, чем КПРФ. Растет региональное разнообразие позиционирования и коалиций партий, что вынуждает партии вести более агрессивную предвыборную борьбу. Стихийное недовольство граждан начинает более успешно выражаться в поддержке оппозиционных партий. Вместе с тем, среднерегionalный рейтинг поддержки «Единой России» (52,4 % на выборах весной и осенью 2010 г.) составляет значительный потенциал правящей партии [8]. Тенденции развития партийной системы России зависят от эффективного коалиционного взаимодействия, от привлечения новых лидеров общественного мнения.

Выборы Государственной Думы 4 декабря 2011 г. характеризуются внешне аномальным ростом протестного голосования. Причинами такого развития стали: затяжной экономический кризис, внутриэлитные размежевания на «относительных либералов» и консерваторов; ослабление губернаторского корпуса вследствие массовых назначений неопытных лиц в 2008–2011 гг. Сыграли свою роль и слабые лидерские качества Д.А. Медведева, особенно – после его согласия на «обратную рокировку» в правившем тандеме (сентябрь 2011 г.).

Поддержка правящей партии «Единая Россия» на выборах 4 декабря 2011 г. (по официальным данным Центральной избирательной комиссии РФ) снизилась с 64,3 до 49,3 % проголосовавших. Голосование за КПРФ выросло с 11,6 до 19,2 %; за партию «Справедливая Россия» – с 7,7 до 13,2 %; за ЛДПР – с 8,1 до 11,7 %; за Российскую демократическую партию «Яблоко» – с 1,6 до 3,4 %. Поддержка партии «Патриоты России» выросла незначительно – с 0,89 до 0,97 %, а партии «Правое дело» – осталась неизменной (0,6 %) [8].

В парламентских выборах 2011 г. приняли участие лишь 7 партий. 4 партии, получившие места в Думе, набрали 93,42 % голосов. По изменениям в законодательстве, партии, набравшие от 5 до 6 %, имели возможность получить по 1 мандату в Госдуме, а набравшие от 6 до 7 % – по 2 мандата. Но никто из аутсайдеров не смог воспользоваться новшеством (лучший результат партии «Яблоко» – 3,43 %) [8], т.е. большинство граждан сохранило предпочтения, отдавая голоса партиям, имеющим реальные шансы преодолеть барьер.

Наблюдатели, социологические центры и некоммерческие организации заявляли о достаточно весомых нарушениях порядка проведения выборов и подсчета голосов на парламентских выборах 2011 г. По мнению директора «Аналитического центра Юрия Левады» Л. Гудкова, «уровень фальсификаций был обычным – в пределах 5-8 %» по стране, но повышенным – в крупных городах и республиках с подконтрольным электоратом [10]. Вмешательство в подсчет голосов привело к завышению поддержки правящей партии с 34,7 до 49,3 %. И напротив, голосование за КПРФ подверглось занижению с 24,8 до 19,2 %; за «Справедливую Россию» – с 16,7 до 13,2 %; ЛДПР – с 12,6 до 11,7 %; за партию «Яблоко» – с 7,25 до 3,4 % [6].

Не стоит преувеличивать изменения мотиваций голосования на выборах в Государственную Думу 2007 и 2011 г. Значительная часть граждан по-прежнему мало доверяет партиям в целом и пропорциональной избирательной системе. Как и в 1990-е гг., так и сейчас в опросах общественного мнения россияне в соотношении примерно 2:1 высказываются за мажоритарную систему. Их предпочтение депутату – «одномандатнику» понятно: партии малоавторитетны и воспринимаются как «приводные ремни» элит, а не объединение выражающих интересы избирателей политиков. Поэтому больше доверия тому депутату, который заключает прямой «электоральный контракт» с избирателями конкретного округа [5]. «Аналитический центр Юрия Левады» провел опрос 25-28 ноября 2012 г. (пропорциональная выборка 1600 респондентов). Выказали недоверие парламентским выборам 48 % опрошенных. 31 % из них полагали, что партия «Единая Россия» является самостоятельной политической силой, 52 % считали её инструментом в руках Президента страны и его окружения [10]. Последовавшие протестные выступления в Москве и крупных городах (декабрь 2011–май 2012 гг.) подтвердили, что их участники мало доверяли всем парламентским партиям. Их ожидания и требования адресовались к общественным объединениям и движениям, а во многом – персонифицировались.

Президентские выборы (март 2012 г.) подтверждают высказанную нами в начале статьи гипотезу о качественном различии мотивов голосования и диспозиции акторов избирательных кампаний на президентских и парламентских выборах в России. Так, победитель – В.В. Путин набрал 63,6 % голосов, что значительно превысило уровень поддержки правящей партии. Подтвердил стабильное влияние коммунист Г.А. Зюганов (17,2 %). Отчасти неожиданным стал успех либерала М.Д. Прохорова (7,98 % по стране и второе место – 20 % в Москве и Санкт-Петербурге). Серьезным провалом завершилась президентская кампания В.В. Жириновского (6,2 %) и лидера «Справедливой России» С.М. Миронова (3,85 %) [8]. Следовательно, уровень поддержки кандидатов на пост Президента страны связан в большей степени с прагматическими, а не партийно-идеологическими мотивами.

Спад оппозиционных выступлений создал благоприятные условия для ужесточения электорального авторитаризма. В то же время, готовится частичная «перезагрузка» партийной системы. Для нее могут быть использованы «Народный фронт за Россию» («Общероссийский народный фронт» и новые умеренно-оппозиционные партии. С этим связана и осторожная либерализация избирательной системы в 2012–первой половине 2013 гг.: снижение минимальной численности членов партии для регистрации с 50 тыс. до 500 чел., возврат к смешанной системе выборов Государственной Думы РФ, предоставление законодательным собраниям регионов права самим избирать вид наделения губернатора полномочиями – посредством прямых или косвенных выборов.

Сделаем выводы. Плюрализм федеральной и региональных избирательных систем в России, сложившийся к 2000 г., в итоге реформ сменился на унификацию избирательной системы, политические эффекты этого процесса дали преимущества «партии власти». В этом же направлении действуют изменения законодательства: повышение заградительного барьера, переход от мажоритарных к пропорциональной избирательной системе на выборах Государственной Думы РФ и смешанной избирательной системе на выборах региональных собраний, отмена графы «против всех» и нижнего порога явки на выборы, косвенный порядок выборов глав регионов. Принятые в 2001-2013 гг. законы вводят ограничения на проведение общероссийского референдума, ужесточают требования к созданию политических партий; отменены в декабре 2004 г. прямые выборы глав субъектов федерации, в 2005 г. – избирательные блоки; затруднено независимое общественное наблюдение на выборах, повышен заградительный барьер на выборах в Государственную Думу. Наряду с этим используется административный ресурс, с помощью которого осуществляется информационное доминирование кандидатов и партий, поддерживаемых исполнительной властью.

Маловостребованным остается демократический принцип сменяемости власти, что явно или неявно способствует росту отчуждения граждан от формирования органов власти, от процедур их подконтрольности и отчетности, сменяемости состава. Форма политической коммуникации власти и общества имеет усиливающийся монологический характер.

Выявлены политические последствия электоральной и партийной реформ 2000-2013 гг.: доминирование картельных партий, поглощение сетей региональных партий общероссийскими, преобладание государственно-корпоративного типа партогенеза. Преодолена автономия и плюральность избирательных и партийных систем регионов, сложилась вертикально интегрированная система с доминированием партии «Единая Россия». В системе мотивов голосования общества идеологические размежевания отходят на второй план, уступая главную роль прагматическому позиционированию в отношении правящих элит. С этими тенденциями связан кризис оппозиционных партий «первого

поколения»: КПРФ, РДП «Яблоко», социал-демократических партий. Анализ голосований подтверждает поддержку центристского и консервативного тренда, национал-этноистских идеологем.

Перспективы развития избирательной системы России зависят от влияния внешних макрополитических факторов: социально-экономической динамики, степени консолидации элит, меры автономии СМИ. Преобладающим типом партий будет оставаться картельный. Но успех «Единой России» неравномерен, зависит от экономической конъюнктуры и внутриэлитных договоренностей. Протестное голосование в пользу условной оппозиции («Справедливой России», ЛДПР, «Правое дело» и проч.) будет проявляться вновь и вновь в силу объективного состояния общества. Возможности электоральной инженерии в рамках демократии близки к пределу.

Смешанная избирательная система на выборах Государственной Думы РФ и законодательных собраний регионов автоматически не обеспечивает консолидацию демократии, в большей мере значима самоорганизация институтов гражданского общества. Итоги федеральных, региональных и муниципальных выборов 2008-2012 гг. подтверждают, что электорат и в условиях унификации избирательной системы склонен к плюральному голосованию в ряде местностей, где диверсифицирована экономическая структура, легитимирован полицентризм элит, укоренились элементы гражданской политической культуры.

На наш взгляд, ориентиры развития избирательной системы России включают в себя повышение реальной конкурентности электорального законодательства и процедур предвыборных кампаний, политическое просвещение граждан в духе демократии, свободное информирование избирателей о партиях и кандидатах; создание гарантий открытости и транспарентности действий органов государственной власти, партий и избирательных комиссий.

Библиографический список использованной литературы

1. Таагепера Р. Описание избирательных систем / Р. Таагепера, М. Шугарт // Политические исследования. Полис. — М., 1997. — № 3. — С. 114–136.
2. Любарев А.Е. Избирательные системы и российское электоральное законодательство / А.Е. Любарев // Политические исследования. Полис. — М., 2003. — № 4. — С. 120–121.
3. Кынев А.В. Партии и выборы в современной России: Эволюция и деволуция / А.В. Кынев, А.Е. Любарев. — М.: Новое литературное обозрение, 2011. — С. 512–572.
4. Макаренко Б.И. Российская избирательная система в контексте эволюции политического режима [Электронный ресурс] / Б.И. Макаренко. — Электрон. текстовые данные. — Режим доступа: http://arn-nn.ru/diskurs_s/799.html (дата обращения: 16.06.2011).
5. Кинзерская И.Л. Избирательная система как инструмент формирования общественного выбора: теоретические подходы и российская практика / И.Л. Кинзерская // Политическая экспертиза. Политэксп. — СПб., 2008. — № 2. — С. 137–150.
6. Гельман В.Я. Из огня да в полымя: российская политика после СССР [Текст] / В.Я. Гельман. — СПб.: БХВ-Петербург, 2013. — 256 с.
7. Сморгун Л.В. «Новые партии», управляемость и потребности инновационной политики в России / Л.В. Сморгун // Политическая наука. — М., 2010. — № 4. — С. 191–211.
8. Официальный сайт Центризбиркома РФ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.cikrf.ru
9. Баранов А.В. Политическая социология / А.В. Баранов. — Краснодар, 2011. — 415 с.
10. Л. Гудков – о разочарованных в «Единой России». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.levada.ru/09-12-2011/lev-gudkov-o-razocharovannykh-v-edinoi-rossii>

Поступила в редакцию 10.09.2013 г.

Баранов А.В. Реформи виборчої системи Росії на початку XXI століття: політико-інституційні і соціокультурні наслідки

Встановлюються політико-інституційні і соціокультурні наслідки реформ виборчої системи Росії 2000-2013 рр. Розкритий вплив реформ на розвиток політичного режиму та федералізму, партійної системи, громадської думки. Дані рекомендації з розвитку виборчої системи.

Ключові слова: виборча система, реформи, наслідки, Росія, політичні інститути, громадська думка.

Baranov A. Reforms of the Russian electoral system in the beginning of XXI century: political and institutional and socio-cultural implications

The article is devoted to the establishment of the political-institutional and socio-cultural consequences of the reforms of the electoral system Russia, 2000-2013. Discloses the impact of reforms on the political regime and federalism' development, party system, and public opinion. Recommendations made in the field of electoral system development.

Keywords: electoral system reform, the consequences, Russia, political institutions, public opinion.